

Список использованной литературы и источников

1. Абкин Б. Чудаки украшают мир / Б. Абкин // Иркутская губерния. — 2002. — № 2. — С. 46-47.
2. Архивный отдел администрации Рыльского Района. — Ф. 18. (Рыльский городской Совет). — Оп. 1. — Д. 840. — Л. 16.
3. Архив Рыльского краеведческого музея. — Ф. печатно-письменных материалов. — Д. Г.И. Шелехова. — Л. 21
4. Волкова Н. И. Неопубликованная справка об открытии памятного знака в музее Г. И. Шелехова / Н. И. Волкова. — Шелехов, 2014.
5. Государственный архив Курской области. — Ф. 483. (Благочинные округа). — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 1-4.
6. ГАКО. — Ф. Р-2511 (Рыльский уездный отдел управления). — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 2.
7. Ситников Л. А. Григорий Шелихов / Л. А. Ситников. — Иркутск : Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1990. — 416 с.
8. Хороших В. А. Наследие российского купца Шелехова / В. А. Хороших. — Курск : Изд-во КГПУ, 2004. — 510 с.
9. Чалых Н. Н. Рыльск — Духовный центр в Курском крае / Н. Н. Чалых. — Курск : ИПП «Курск». 2007. — 309 с.
10. Щеголев И. Н. О Шелеховых до Г.И. Шелехова / И. Н. Щеголев // Рыльск-Шелехов. Связь времен. — Рыльск, 1995. — 84 с.

Информация об авторе

Хороших Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, преподаватель, Рыльский авиационный технический колледж гражданской авиации, 307370, Курская область, г. Рыльск, ул. Дзержинского, 18, e-mail: Vladimir.horoschih@yandex.ru.

Author

Khoroshikh Vladimir Alekseevich — PhD in Historical Sciences, Instructor, Rytsky Aviation Technical College of Civil Aviation, 18, Dzerzhinsky Str., 307370, Kursk Region, Rytsky, e-mail: Vladimir.horoschih@yandex.ru.

УДК 94(571.55)+281.93

ББК 63.3(253.57)+86.372.24-605

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА**ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
В РЕАЛИЯХ 1918 ГОДА**

В статье на основе архивных материалов показано реальное положение Забайкальской епархии в период первой советской власти (март–август 1918 г.). Рассмотрены региональные особенности становления государственно-церковных взаимоотношений в новых условиях, реорганизация церковного управления, общее состояние приходов, положение духовенства.

Ключевые слова: государственно-церковные взаимоотношения, Забайкальская епархия, консистория, епархиальный совет, духовенство, органы власти, верующие.

TRANSBAIKAL EPARCHY AND SOVIET POWER IN THE REALITY OF 1918

Based on the archival materials the article demonstrates the real situation with Transbaikal eparchy in the period of the first soviet power (March — August, 1918). Also in the article there were investigated peculiarities of formation of relations between the Church and the state in new terms, reorganization of church administration, general condition of parishes, the position of clergy.

Keywords: relations between the Church and the state, Transbaikal eparchy, consistory, diocesan council, clergy, authorities, believers.

Кардинальная смена государственного и политического строя в России в 1917 г. привела к изменению положения религиозных институтов. Первые декреты и законодательные акты советской власти, принятые в конце 1917 — январе 1918 гг., были направлены на ограничение прав церкви. К таковым относятся: Декларация прав народов России, декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояний», «О расторжении брака» и др. 11/24 декабря было принято специальное постановление о передаче дела воспитания и образования в ведение Наркомата просвещения РСФСР, по которому все начальные (церковно-приходские), средние и высшие учебные заведения вместе со всем связанным с ними имуществом передавались в ведение Наркомпроса. Основопологающий декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят 23 января 1918 г. Суть декрета заключалась в переходе государства к принципу конфессиональной индифферентности с предоставлением религиозным объединениям частноправового статуса. Однако, продекларированные общедемократические принципы, выполнение которых могло бы создать приемлемые условия для религиозной жизни в стране, в ходе реализации были искажены в угоду классово-революционной целесообразности.

Выстраивание государственно-церковных взаимоотношений усугублялось экономическим и политическим хаосом в стране, а также перегибами органов власти. Местной властью стали проводиться мероприятия по исполнению декрета об отделении церкви от государства: религиозные учреждения лишались финансовой поддержки, началась национализация церковного имущества и недвижимости. В Забайкалье в период первой советской власти (март-август 1918 г.) были реквизированы здания Читинского духовного и миссионерского училища, духовной семинарии, где были размещены политехнические курсы. С апреля 1918 г. была прекращена выплата казенного жалования епископу Забайкальскому и Нерчинскому Мелетию. Местные власти намеревались за-

крыть домовые церкви при учебных заведениях, чему весьма энергично противилось епархиальное руководство. Так, съезд духовенства и мирян Забайкальской епархии в мае 1918 г. постановил не закрывать духовно-учебные заведения, оставшиеся школы ведомства православного исповедания (ВПИ) и не передавать их местным властям, как предусматривало постановление Наркомпроса РСФСР. Также съезд протестовал против передачи храмов под жилье, равно как и передачи церковного имущества. В постановлении съезда отмечалось: «В случае же посягательств, от кого бы они не исходили, обращаться с просьбой о защите к верующему народу» [4, с. 144–145].

В рассматриваемый период, согласно решениям Поместного Собора, была начата работа по реорганизации церковного управления. В результате проведенных реформ духовные консистории были ликвидированы с передачей функций в епархиальные советы. Так, в Забайкальской епархии с мая 1918 г. начались подготовительные работы. В мае 1918 г. состоялось забайкальское епархиальное собрание под председательством епископа Мелетия. Ключевым был вопрос об организации епархиального управления в виде епархиального совета. Данное представительное собрание (25 членов) на своих заседаниях рассмотрело и утвердило постатейно проект «Правил по Забайкальскому епархиальному совету». Вводимые правила обсуждались на предмет их соответствия положению — редакции Поместного Собора, также были включены собственные предложения и замечания. Согласно «Правилам...» епархиальный совет устанавливался из пяти выборных штатных членов, один из которых — «в пресвитерском сане, по избранию совета, с утверждением епархиального Архиепископа, состоит председателем» [2, д. 70, л. 3]. Были определены права и обязанности членов и председателя совета, их основные функции. В качестве специальных обязанностей председателя совета были определены «вопросы религиозного народного просвещения, вероучения и нравоучения», к которым были отнесены вопросы о богослужениях, молитве и «вообще дела идейного характера». Также были приняты сметы расходов на содержание совета, так, на 1918 и 1919 гг. была определена сумма в размере 26 650 рублей с тем, что «выдачу жалования из этого ассигнования производить со времени прекращения казенного содержания» [2, д. 70, л. 6–7].

7/20 июня 1918 г. вывеска консистории была снята местными властями без всякого предупреждения и отправлена в совет городского хозяйства. Согласно этим изменениям, служащим консистории, уволенным за штат, должны были быть выплачены пенсии и пособия за счет государства; тем служащим, которые остались без всяких средств к существованию, должны были выданы пособия из епархиальных средств. Таким образом, консистория как государственное учреждение прекратила свое существование [1, д. 262, л. 7 об., 21 об.].

14/27 июня 1918 г. епископ Мелетий в своем предложении за № 1923 в соответствии с постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода, со ст. 65 принятого Священным Собором постановления о епархиальном управлении от 21 февраля/6 марта 1918 г. № 31 предложил Забайкальскому епархиальному совету не позднее 1 июля ввести в действие епархиальный совет взамен духовной консистории.

В Забайкалье был поднят вопрос о передаче архивов духовной консистории, прежде всего это касалось метрических книг, материальных книг и дел о бракосочетании. 4/17 июня 1918 г. от епископа Мелетия и консистории последовал отказ сдать епархиальные архивы [5, с. 28]. В ответ на это представители советской власти пытались занять здание консистории в Чите «для своих нужд, загрузив одну из подвод архивными документами по бракоразводным делам судебного стола консистории». Ацию сорвали протоирей Сергей Старков, священник, диакон, секретарь консистории и сбежавшиеся жители. Клирики во главе со Старковым были арестованы.

Действия властей вызвали естественное возмущение со стороны православных верующих. На Новособорной площади близ кафедрального Александро-Невского Собора стали собираться люди, обсуждая судьбу арестованных священников. В течение двух дней предпринимались попытки начать переговоры об освобождении заключенных, но они были проигнорированы. По призыву союза православных приходов 6/17 июня состоялся крестный ход против действий органов советской власти, который двинулся к читинской тюрьме. Власти посчитали ход «контрреволюционным выступлением» и на улице Камчатской, в районе Михаило-Архангельской церкви декабристов, отряд милиции открыл огонь, результатом чего стала гибель одного и ранение нескольких человек, среди которых была супруга арестованного С. Старкова.

По обвинению в антисоветской деятельности были арестованы прот. С. Старков, священники Н. Подгорбунский, Н. Стрелков, А. Писарев, В. Богоявленский, диакон П. Маковеев и др.; всего перед судом представило 16 человек, включая 9 мирян. Один из них, Васякин, обвинялся в том, что «критиковал вопросы отделения церкви от государства, что явилось возбуждением толпы против советской власти» [6, с. 37]. По приговору от 3 августа священники Богоявленский и Писарев получили по шесть месяцев тюремного заключения, прот. Старков, священники Подгорбунский и Стрелков — по два месяца, были оправданы священник Д. Замятин, диакон Маковеев и трое прихожан. Суд вынес частное определение в адрес епископа Мелетия и прот. С. Старкова, как не захотевших остановить толпу [4, с. 146]. При этом ревтрибунал выяснил, что обвинения о том, что среди участников хода находились белогвардейцы, а также о провокационных выстрелах из толпы, обстрелах советских воинских частей в различных районах Читы, не подтвердились.

Таким образом, на местах в период первой советской власти имели место открытые противоречия между церковью и органами власти.

Епископ Мелетий, учитывая лишение свободы местной властью двух избранных членов совета — протоиерея С. Старкова и священника Н. Подгорбунского — предложил вступить в исполнение обязанностей «наличному составу Епархиального Совета — протоиерею Н. Тяжелову, священнику Н. Элизену и преподавателю училища М. Златоустовскому, а также избранным кандидатам по членам Епархиального Совета — протоиерею А. Попову и преподавателю семинарии П. Белевскому», принять все дела от консистории и сформировать необходимый состав служащих епархиального совета. Согласно протоколу Забайкальского епархиального совета от 18 июня 1918 г. обязанности — дела членов совета были распределены следующим образом: «Общеразпорядительного характера — священнику Н. Элизену; бракоразводные и судные — священнику О.Н. Подгорбунскому, за отсутствием его — кандидату протоиерею А. Попову; церковно-хозяйственные — протоиерею Н. Тяжелову, а на время его председательствования в Совете, кандидату П.К. Белевскому; казначейские и архивные — М.А. Златоустовскому» [1, д. 262, л. 6, 8].

В Забайкальской епархии было принято решение реорганизовать состав благочиний, сократив их до двадцати одного вместо двадцати восьми. Для оживления общественно-приходской жизни решено было проводить благочиннические и епархиальные собрания духовенства и мирян. Для материального обеспечения было предложено причтам проводить обложения на внутриепархиальные нужды, организовав кружечный и тарелочный сбор среди прихожан [2, д. 70, л. 73–75].

Оценить общее состояние положения Забайкальской епархии позволяют годовые отчеты как общеепархиальные, так и отчеты благочинных. Так, в отчете за 1918 г. епископ Мелетий, в числе трудностей для церкви и духовенства, указывал на невозможность поездок по епархии, кадровые проблемы, образовательный уровень духовенства, проблемы материального обеспечения причтов и др. Примечательны оценки, даваемые советской властью священниками в своих отчетах. Следует отметить, что эти отчеты составлялись в начале 1919 г., т.е. после падения советской власти. В рапорте исполняющего дела благочинного 5 округа, священника Аргунской церкви Михаила Шульгина была дана характеристика следующего содержания: «Старания центральной кровожадной совдепии через своих комиссаров, подкомиссаров и проч., благородных от худородности пропагандистов замять, загрязнить и уничтожить Великие церковные устои. Среди насельников тихих хлебопахотных берегов Приаргунья... выступлений против Св. Церкви и ее служителей не наблюдалось» [2, д. 74, л. 28, 42]. В рапорте благочинного 19 округа, священника Николая Шастина говорилось о том, что «полный развал России, явившийся следствием режима совдепов, сыграл свою печальную

роль». В приходских церквях временно было прекращено проведение богослужений под воздействием «революционных и противощерковно-настроенных элементов» [2, д. 74, л. 29, 77].

В отчете епископа Мелетия общее состояние паствы, отношения с духовенством оценивались как удовлетворительные, а авторитет причтов «несмотря на действия врагов, стоял не низко». Достаточно тяжелым было материальное положение священников, которое оценивалось как «неудовлетворительное», когда «сельский писарь в любом селении обеспечен лучше священника», которому не дают «ни руги, ни дров и землю отбирают», отсутствует жильё, положение псаломщиков печальное, «духовенство забыто и забыто» [2, д. 74, л. 31об.].

Количество культовых зданий сохранилось на уровне 1917 г. Кроме того, была открыта новая церковь в с. Тамир. Также жители — уполномоченные от Тресковского, Никольского и Таракановского обществ обратились к епископу с ходатайством о разрешении построить в селе Тресково новый храм с открытием самостоятельного прихода. В качестве обязательных условий, отраженных в резолюции епископа Мелетия от 15 марта 1918 г. № 1123, выдвигались: «Для открытия самостоятельного прихода необходимо представить приговор за подписью всех домохозяев, жителей тех селений, которые пожелают войти в состав прихода, с обязательством построить храм, причтовые дома, обеспечить причт определенным денежным содержанием, ругой или землей» [1, д. 212, л. 1]. Проследить по архивным документам как дальше развивалось это дело, не удалось. Но эти факты позволяют заключить, что, несмотря на имевшие место в годы первой советской власти противоречия между РПЦ и органами власти, православные верующие видели перспективы и имели надежды на благополучное будущее в новых условиях.

Одним из распространенных явлений в этот период были приходские собрания, на которых выражалось отношение прихожан к своим священнослужителям. Так, Домнинское приходское собрание 15 января 1918 г. постановило ходатайствовать перед епископом о запрещении священнику Ин. Белобородову «обслуживать поселок Черновской каменно-угольных копей и о передаче Черновской приписной церкви» священнику о. Георгию Кореневскому. Объяснялась сложившаяся ситуация тем, что о. Ин. Белобородов был ранее удален за неблагоприятные поступки из Домнинского прихода, но «захватил Черновской поселок... и совершает богослужение и исполняет требы». И жители Черновского поселка теперь «не считают себя обязанными помогать Домнинскому приходу в содержании причта, а это может весьма пагубно отразиться на остальных прихожанах в религиозно-нравственном отношении», «привести к закрытию приходской церкви». Была дана оценка священнику Белобородову как одному из многих священников, которые «нисколько не заботятся о народе, а только преследуют свою

корыстную цель, чтобы нажать побольше капиталов, а это служит причиной к ослаблению веры» [1, д. 212, л. 12–13]. Но ввиду нехватки в кадрах духовенства резолюция епископа Мелетия от 7 февраля 1918 г. была следующей: «При Черновской Иннокентьевской церкви открыть самостоятельный приход» [1, д. 212, л. 11].

Достаточно сложным было финансовое положение духовенства. Однако, несмотря на то, что церковь была лишена каких-либо государственных ассигнований, сами прихожане брали на себя обязательство содержания причта. Например, 8 апреля 1918 г. состоялось общее собрание прихожан Кударинской Троицкой церкви 10 благочиннического округа Забайкальской епархии о смете расходов на содержание приходской церкви. Собрание, «принимая во внимание, что существующий способ обеспечения духовенства крайне недостаточный, и с нравственной точки зрения для духовенства унижительный, порождавший много недоразумений между пастырем и пасомыми», единогласно приняло решение отменить существовавший порядок обеспечения духовенства (т.е. ругу, землю и отопление не выдавать), а положить основное жалование: священнику — 1800 р. в год, псаломщику — 1200 р. в год и др. Вся сумма расходов в размере 48 554 р. на содержание причта и других служителей церкви должна быть разложена на всех прихожан Кударинского прихода, в результате на душу выпадала сумма в 2 р. 38 к. [3, л. 8–9]. Это решение свидетельствует о благосклонном и доброжелательном отношении населения к церкви и духовенству, выразившееся во взятии на себя материальных обязательств.

Таким образом, оценивая реалии положения Забайкальской епархии в период первой советской власти, можно заключить, что оно естественным образом зависело от политической ситуации в регионе. После октября 1917 г. нарастают признаки антицерковной деятельности новой власти, церковь в стране теряет веками создаваемую материальную основу своего служения, вынуждена адаптировать свою пастырскую миссию к жестким условиям партийно-государственного контроля, сужать сферу литургической жизни.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. 8. — Оп. 3.
2. ГАЗК. — Ф. р.-422. — Оп. 1.
3. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 491. — Оп. 1. — Д. 9.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции / В. И. Косых. — Чита : Изд-во ЗабГПУ, 1999. — 196 с.
5. Саввин Д. Читинско-Забайкальская епархия в 1917-1936 гг. / Д. Саввин // Православие в Забайкалье: история и современность. — Чита, 2004. — С. 27–35.
6. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона) / И. С. Цыремпилова. — Улан-Удэ : ИПК ВСГАКиИ, 2008. — 300 с.

Информация об авторе

Цыремпилова Ирина Семеновна — доктор исторических наук, профессор, кафедра музейных технологий и охраны наследия, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, e-mail: irina161073@mail.ru.

Author

Tsyrempilova Irina Semenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Museum Technologies and Heritage Protection, East Siberian State Academy of Culture and Arts, 1, Tereshkova Str., 670031, Ulan-Ude, e-mail: irina161073@mail.ru.

УДК 614.2(571.5)(091)
ББК 5г(253.5)

В.А. ШАЛАМОВ

ВРАЧЕБНАЯ КОРПОРАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (по данным 1924 года)

В работе рассматривается «Список медицинских врачей СССР за 1924 г.» и возможности его использования при анализе кадрового состава медицинских работников Восточной Сибири.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, врачи Восточной Сибири.

V.A. SHALAMOV

MEDICAL CORPORATION EASTERN SIBERIA (according to 1924)

In the article «List of medical doctors in the USSR in 1924», and the possibility of its use in the analysis of cadre of health workers in Eastern Siberia.

Keywords: health care, medicine, doctors of the Eastern Siberia.

Данная статья является продолжением анализа справочных изданий, касающихся врачебного персонала Восточной Сибири. Для этого были использованы особого рода источники: в дореволюционной России издавались списки чиновников того или иного ведомства, где фиксировалась основная информация практически обо всех кадрах. Нами уже были проанализированы списки врачей за 1898 и 1913 гг., благодаря чему удалось проследить рост врачебной корпорации, изменение половозрастного состава, распределение по территории и ряд других интересных сведений [7; 8].

Список врачей за 1916 г. оказался последним изданием подобного рода до революции 1917 г. Однако у него имеется масса недостатков,